

Т.Е. Плященко

Консервативный либерализм в пореформенной России: история одной неудачи

Феномен российского консервативного либерализма относится к числу слабоизученных проблем в отечественной и зарубежной науке. Между тем именно эта разновидность либерализма, по нашему мнению, наиболее перспективна и способна принести государству максимальную пользу. А потому политические воззрения российских консервативных либералов, к числу которых можно отнести Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского, и в настоящее время не только обладают большой теоретической значимостью, но могут использоваться для решения политических проблем современного общества. Оригинальность и значимость этих политических мыслителей определяется в первую очередь их попыткой синтезировать либеральные ценности и национальные традиции и на этой основе разработать позитивную, созидательную программу российского либерализма. Конечно, исследовать в рамках одной небольшой статьи все особенности консервативно-либеральной парадигмы не представляется возможным. Потому мы обратимся лишь к ключевым, наиболее значимым пунктам воззрений русских консервативных либералов на примере взглядов Александра Дмитриевича Градовского (1841–1889) – выдающегося русского ученого, мыслителя и общественного деятеля, профессора Санкт-Петербургского университета, принадлежавшего к одному из самых крупных и авторитетных направлений в отечественной историографии – государственной школе.

Для начала внесем некоторую ясность в вопросы терминологии. Консервативный либерализм – словосочетание, хотя и устоявшееся в современной науке, но при этом достаточно парадоксальное. Консерватизм и либерализм представляют собой различные, подчас противоположные системы ценностей. Либерализм – политическая идеология, зародившаяся на Западе в период буржуазных революций XVIII–XIX веков и связанная с развитием капиталистического общества. Основной ценностью этой идеологии провозглашается свобода личности, многообразие гражданских и политических прав индивида и ограничение сфер деятельности государства, по сути, лишь защитой этих прав. Либеральная доктрина естественных прав человека на жизнь, свободу, собственность требовала от общества предоставления личности максимальной свободы для самореализации. Либеральная теория «общественного договора» обосновывала суверенность народа как источника власти и формирование государства как договора между народом и правительством. В экономической области либералы защищали принцип свободного рыночного обмена, личной предпринимательской инициативы, конкуренции, осуждали протекционизм, политическое

Плященко Татьяна Евгеньевна, кандидат исторических наук, преподаватель филиала Российского государственного социального университета (Воронеж). E-mail: tapla@rambler.ru

вмешательство в экономику. В политической сфере идеалом либералов является демократическое представительное правление в форме конституционной монархии или даже республики, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, которые должны сдерживать и уравновешивать друг друга. Система сдержек и противовесов рассматривалась как препятствие к узурпации власти.

Для Российской империи, даже пореформенного периода, с ее абсолютной монархией и отсутствием любых элементов представительного правления (напомним, что земская реформа 1864 года ограничивала полномочия земств сугубо местными социально-экономическими вопросами, без права вмешиваться в политику), сословным делением общества, ставшим традиционным с XVII века, активным протекционизмом и колоссальной ролью государства не только в экономике, но и в других сферах общественной жизни, такая система взглядов выглядела, мягко говоря, неорганичной. Отсюда и возникла в среде российских приверженцев либеральных воззрений середины XIX века идея приспособить традиционные либеральные ценности к российским реалиям, «поставить» либерализм на национальную почву, попытаться примирить демократические ценности с самодержавным правлением, права и свободы личности с сословным социальным строем, привить изначально «космополитичному» либерализму долю здорового национализма. Отметим, что при всей оригинальности идея эта появилась не вдруг. Предпосылки к этому создавали и распространявшиеся в России в XVIII веке идеи просвещенного абсолютизма, и «дней Александровых прекрасное начало» (начальный этап правления Александра I) с его Негласным комитетом, либеральными преобразованиями в области просвещения и печати, а главное – «конституционным» проектом М.М. Сперанского, где нашла воплощение идея разделения властей, а выборная Государственная Дума с законодательными полномочиями была так аккуратно вписана в канву российской государственности, что радикально не меняла самодержавного по сути характера власти.

Определенный прецедент составляли и уже сложившиеся идеи славянофилов. Конечно, славянофильская доктрина «Сила власти – царю, сила мнения – народу» была не совсем тем, чего хотелось, к примеру, А.Д. Градовскому, но определенная идейная близость просматривалась. Не случайно довольно внушительный отрезок политической биографии Градовского был связан с «романом» со славянофильством, правда, печально закончившимся.

Итак, обратимся к наиболее важным аспектам идеологии российского консервативного либерализма.

Идея первая: сильное государство как необходимое условие для нормального развития общества.

Консервативные либералы в большинстве своем принадлежали к так называемой государственной школе в отечественной историографии, которая далеко выходит за рамки традиционной либеральной парадигмы, отводящей государству преимущественно охранительную роль. Большое значение в этой связи имеют отход от гегельянского отношения к государству как к некоему абсолюту и пришедшее на его место отношение к государству как к определенному, закономерно обусловленному этапу развития социальных отношений, органически развившемуся на базе предшествующих этапов. Консервативные либералы устанавливали прямую связь между характером государства и социально-экономическими отношениями в обществе, признавали за государством серьезную нравственную роль, что на практике предполагало расширение сферы социальной деятельности государства. Исходя из этого, они трактовали цели и задачи государства гораздо шире, чем это предполагал классический либерализм. Помимо традиционного «охране-

ния» (прав личности, внешней и внутренней безопасности), А.Д. Градовский относил к важнейшим задачам государства «содействие» («...дальнейшим успехам народной жизни» через улучшение ее условий), «почин» (инициатива государства по учреждению «различных полезных установлений» в самых разных сферах), «надзор» (информированность государства обо всех «скольконибудь значимых предприятиях и явлениях общественной жизни», с тем чтобы оно могло принять нужные меры, когда эти «предприятия и явления» станут угрожать «общественному спокойствию и частным интересам») [1, с. 230]. Таким образом, государство Градовский наделял весьма широкими функциями. И если задачи охраны сводились к поддержанию status quo, то задачи содействия и почина предполагали деятельное участие государства в общественном прогрессе. Эти воззрения вполне отвечали российским условиям, в которых исторически наиболее серьезные преобразования производились по инициативе государства.

Идея вторая: принципиальная совместимость гражданских прав и свобод и абсолютной монархии.

Вопрос о том, насколько политическая программа российских либералов второй половины XIX века укладывается в рамки конституционализма, является в исторической науке дискуссионным. При этом в основе разногласий часто лежит достаточно узкая трактовка самого термина «конституционализм», сведение его в ряде случаев к приятию или неприятию конституции. Сами консервативные либералы, в частности К.Д. Кавелин, различали «обширный» и «тесный» смыслы понятия «конституция». «В обширном смысле под конституцией разумеется всякое правильное государственное и общественное устройство, покоящееся на разумных, непреложных основаниях и законах, – устройство, при котором нет места для произвола, личность, имущество и права всех и каждого обеспечены и неприкосновенны», – писал Кавелин. Под конституцией «в тесном смысле» Кавелин понимал «такое политическое устройство государства, где верховная власть ограничена политическим представительством, палатами или камерами, разделяющими с нею... законодательную и высшую административную власть» [2, с. 151–152]. Для А.Д. Градовского понятие о лучшем, справедливом и желательном для России государственном устройстве не было напрямую связано с конституцией и парламентаризмом. Скорее наоборот: в лице Градовского российское самодержавие обрело одного из самых искренних своих апологетов.

Высказав еще в 1865 году мысль о своеобразии государственного развития России и особой созидательной роли, которую верховная власть сыграла в российской истории, Градовский, по сути, посвятил всю свою дальнейшую научную деятельность теоретическому и историческому обоснованию этого тезиса. Исходя из того, что каждая форма правления существует лишь до тех пор, пока удовлетворяет взаимным запросам правительства и общества по отношению друг к другу, Градовский, как и консервативные либералы в целом, считал необходимым привлечение общества к делу государственного управления. Теоретически консервативные либералы не были противниками парламентаризма, однако на практике те его образцы, которые демонстрировала Западная Европа в современную эпоху, представлялись им весьма далекими от идеала. Современный парламентаризм, по мнению Градовского, «хотя и поддерживает кое-как общественные формы, но далеко не проникает вглубь общества. Может быть, ему суждена блестящая будущность, но в настоящее время он составляет достояние одних верхних слоев общества, да и то за неимением лучшего» [3, с. 16].

Обосновывая приемлемость монархии на современном этапе, Градовский, кроме того, разграничивал монархию неограниченную и деспотическую. В условиях первой действия верховного правителя регламентируются законом,

несмотря на то, что монарх, как правило, является единственным законодателем и его воля не стеснена «юридическими нормами, поставленными выше его власти». На основании этого Градовский приходил к выводу, что неограниченное самодержавие не исключает развития демократических свобод и гражданского общества, которые сами по себе способны обеспечить правильное соотношение правительственных и общественных элементов во власти. «Право петиций, сходок, адресов, свобода печати, – писал ученый, – гораздо надежнейшие условия хорошей поверки, чем пресловутые палаты» [3, с. 130].

Еще одним весомым аргументом в пользу сохранения абсолютной монархии российские консервативные либералы считали политическую незрелость русского общества. Одно лишь дворянство, по мнению Б.Н. Чичерина, в этот период имело «какое-нибудь сознание своих прав» [4, с. 139]. Однако дворянский конституционализм в российских условиях был не только нежелателен, но даже опасен. Против него активно выступал К.Д. Кавелин, полагавший, что его введение может стать причиной социального взрыва. Противником дворянского, как, впрочем, и другого парламентаризма в России на современном этапе был и А.Д. Градовский. Его введение в переживаемый страной период представлялось ученому несвоевременным, а разговоры о нем – тактически неоправданными, так как они могли «спугнуть» правительство, отвратить его от реформаторского курса и спровоцировать усиление консервативных элементов во власти.

Идея третья: развитие системы местного самоуправления как российская альтернатива парламентаризму.

Российские консервативные либералы, в первую очередь А.Д. Градовский, видели другой, гораздо более безопасный, способ привлечения общественных сил к делу управления государством – местное самоуправление. Исходя из этого, Градовский с восторгом принял земскую реформу. Именно земскую, а не крестьянскую реформу Градовский считал главной в ряду «великих реформ». Если крестьянская была всего лишь «завершающим» и к тому же «сильно припозднившимся» этапом в процессе начавшегося во второй половине XVIII века «раскрепощения сословий», то земская действительно возвысила освобожденных крестьян до положения личностей, так как «личность обеспечивается лишь известной совокупностью юридических гарантий», среди которых главная – доступ к «общественным делам», то есть к участию в местном самоуправлении. Отсюда возникает идея наделения земств как можно более широкими полномочиями и обеспечения бессословного характера выборов в земские учреждения.

Блестящий шанс реализовать земскую альтернативу парламентаризму на практике представился консервативным либералам с наступлением непродолжительного периода «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова. Период 1880–1881 годов стал «звездным часом» в карьере консервативного либерала Градовского, который наконец почувствовал себя востребованным властью и обществом. На короткий период имя ученого и публициста оказалось тесно связано с именем «либерального диктатора» Лорис-Меликова. Многие авторы отмечали тесную связь воззрений указанных деятелей, а некоторые прямо заявляли, что Градовский был автором конституции графа Лорис-Меликова [5, с. 536]. Градовский с восторгом воспринял изменения в правительственной политике, связанные с возвышением Лорис-Меликова. Провозглашенный последним курс на укрепление доверия между властью и обществом как нельзя более соответствовал чаяниям самого ученого, полагавшего, что в России любые изменения к лучшему «могут быть только последствием полного доверия власти к русскому народу. Не будет этого, и ничего не будет; будет оно, и все явится само собою». Исходя из этого, намерения Лорис-Меликова о привлечении представителей земств к законотворческой деятельности представлялись

Градовскому «самой сладостной из всех надежд, нас ожидающих», в них чувствовалось «то веяние, которое пронеслось некогда при чтении манифеста об освобождении крестьян» [6].

В сентябре 1880 года на страницах «Голоса» появились три статьи профессора, содержащие предложения по реорганизации Комитета министров, Сената и Государственного Совета. Сам факт, что столь серьезные вопросы были вынесены на страницы прессы, говорит о том, что Градовский действовал с одобрения Лорис-Меликова. Предложения ученого сводились к следующему: упразднение Комитета министров в связи с тем, что он является «лишним звеном» в системе органов государственного управления, так как предполагает возможность проведения законов помимо Сената и Госсовета, реорганизация Сената в целях возвращения ему значения высшего органа судебной власти и прокурорского надзора, а главное – расширение функций и состава Государственного Совета за счет включения в него представителей провинций, назначаемых государем на определенный срок. В январе 1881 года Лорис-Меликов в своем докладе фактически повторяет уже высказанную Градовским идею о расширении Государственного Совета, конкретизировав состав приглашаемых от общества «делегатов». Характерно, что Градовский выступил, опираясь лишь на общее одобрение самой идеи, данное императором апрельскому докладу Лорис-Меликова. На нем, таким образом, лежала большая ответственность: надо было не «спугнуть» царя, который и так испытывал серьезное противодействие со стороны консервативных кругов. Именно поэтому Градовский был предельно осторожен. Ратуя за «мирное и законное развитие России», профессор приложил массу усилий, чтобы убедить правительство в том, что его предложения, в сущности, не содержат никаких не только «революционных», но и принципиально новых для российского законодательства мер. Он только лишь предлагал новую комбинацию уже существующих в стране установлений. Более того, Градовский постарался убедить правительство, что и сама идея привлечения общественных элементов во власть не является принципиально новой, ссылаясь на постановления об учреждении Государственного Совета из лиц, призванных волей государя, не ограниченной «условиями чина, возраста, продолжительности службы» [7]. Таким образом, Градовский взял на себя роль проводника в обществе идей Лорис-Меликова и стоящих за ним либералов.

Дальнейшее развитие событий – убийство Александра II и последовавшая вскоре отставка Лорис-Меликова, торжество консерваторов в правительстве – перечеркнули все надежды Градовского. Будучи осведомленным о консервативных настроениях нового императора, он в марте 1881 года предпринял попытку предостеречь его от серьезной ошибки, каковой будет, по его мнению, отказ от реформ. Он призывал назначить особую следственную комиссию, призванную, однако, не карать, а разобраться в действительных причинах смуты. Предвидя возможные действия новых властей, Градовский убеждал, что «система репрессий... не приведет к желательным плодам». Последние слова записки звучали как пророчество: «Беда надвигается со всех сторон. Она надвигается со стороны революционной партии, которая пользуется общим неопределенным положением и растет непрерывно, несмотря на все аресты. Она надвигается со стороны народных масс, которые, не ведая истинных причин смуты, понимают ее по-своему, складывая всю вину на высшие классы и готовясь начать избивание последних. Что будет, когда эти два течения встретятся?» [8].

Император оставил записку Градовского без внимания, а на некоторых современников она произвела даже «комическое впечатление» и была расценена в качестве «шарады ученых профессоров», привыкших «недосказывать свои мысли» [9, с. 67].

Идея четвертая: охранительный характер как неотъемлемая черта российского консервативного либерализма.

Стремясь выдвинуть альтернативу нарастающему революционному экстремизму, российские консервативные либералы взяли на себя роль примирителей «здоровых», хотя и противоборствующих, направлений общественной мысли в пореформенный период. А.Д. Градовский прямо заявлял, что противопоставление либерала и консерватора лишено всякого смысла. На практике понятие «консерватор» связано с идеей охранения порядка, а понятие «либерал» – с идеей свободы и развития. Однако это не означает, что консерваторы являются врагами свободы, а либералы – противниками порядка. Обе партии признают необходимость того и другого. Разница, по мнению Градовского, состоит лишь в приоритетах: консерваторы, не отрицая свободы, на первое место ставят порядок; либералы, не отрицая порядка, приоритет отдают свободе. Более того, отождествление консерватора с охранителем, а либерала со сторонником развития тоже весьма условно, подчеркивал ученый. Верное в одни исторические эпохи, оно оказывается несостоятельным в другие. При нормальном, прогрессивном развитии общества либералы тоже встают на охранительные позиции. Соответственно, в теоретическом смысле Градовский не отдавал предпочтения ни консерватором, ни либералам, считая оба течения одинаково полезными и не видя между ними принципиальной разницы. Более того, специфику российского либерализма он видел в том, что тот был охранительным с самого момента своего рождения. Либерализм в России, по мнению ученого, мог появиться только в период реформ, так как существование «партии свободы» в закрепленном обществе было немыслимо.

Таким образом, с момента своего зарождения российский либерализм был правительственной партией, стремящейся «упрочить и примерить не по букве только, но и по духу учреждения признанные полезными верховной властью и исключительно ею созданные по ее свободному почину» [10]. И только со временем, вследствие замедления реформ и торжества консервативных начал в правительстве, либералы вынуждены были перейти с охранительных позиций на сугубо «преобразовательные» и требовать от правительства вернуться к прежнему курсу.

Следует отметить явно уязвимые стороны в позиции А.Д. Градовского. Распространение охранительных начал на российский либерализм в целом едва ли можно признать справедливым. В данном случае более оправданными представляются суждения Б.Н. Чичерина, который считал так называемый охранительный либерализм лишь одним из направлений в либерализме. Суть его заключается «в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть» [11, с. 199–200]. Этот охранительный, или правый, либерализм действительно теснейшим образом смыкался с консерватизмом. Проблема, однако, заключалась в том, что, как отмечает исследователь проблем консервативного либерализма Л.М. Искра, охранительный либерализм в российских условиях, к сожалению, так и не стал влиятельным течением [12, с. 25].

Вернемся, однако, к отношениям либералов и консерваторов. Их союз, по мнению А.Д. Градовского, призван уберечь общество от представителей радикальных, или «ненормальных» в его терминологии, политических направлений: реакционеров и революционеров. Подвергнув сокрушительной критике тех и других, Градовский большую опасность видел все-таки в реакции. Однако прекрасная в теории идея примирения либералов и консерваторов на практике была безусловна провалена. По мере нарастания консервативных настроений во власти и отхода от реформ, настроение Градовского стремительно меняется. Российские консерваторы все более причисляются им к партии реакции. Причем в ряды последних включаются не только М.Н. Катков и К.П. Победоносцев, но и Ф.М. Достоевский, И.С. Аксаков, да и славянофилы в целом. После крушения надежд, связанных с Лорис-Меликовым, Градовский и вовсе отбросил при-

мирительный тон и выступал уже открыто с обвинениями в адрес консерваторов, заявляя, что «если бывает “пошлый” либерализм, то бывает и пошлый консерватизм... который из них вреднее для страны – сказать трудно», и призывая «раскрывать грубый обман, скрывающийся за фразами о “твердой власти”» [13].

Идея пятая: либеральный национализм как попытка поставить либерально-западнические воззрения на «национальную почву».

Бурные события XIX века: польское восстание 1863 года, Кавказская война, обострение кризиса на Балканах – по сути, впервые в российской истории со всей остротой выдвинули на повестку дня национальный вопрос. Эти события были, что называется, у всех на устах, обсуждались представителями самых разных политических направлений. Будучи государственным и испытывая при этом серьезное влияние идей Н.Я. Данилевского, А.Д. Градовский разрабатывает теорию национально-прогрессивного государства. Он подчеркивал, что государство «есть ни что иное, как политико-юридическая форма народности». Государство образуется на базе определенной национальности, достигшей достаточно высокого уровня национального самосознания. Будучи высшей формой развития народности, национальное государство одновременно является и гарантом этого развития, так как «опыт истории показывает, что самостоятельное культурное развитие народа, вошедшего в состав другого государства, приостанавливается... народности, утратившие свою политическую самостоятельность, делаются служебным материалом для других рас» [1, с. 15].

На практике идея национально-прогрессивного государства стала теоретическим обоснованием достойного места славянских народов во главе с Россией в Европе. Откликаясь на злободневные события современности, либерал Градовский неизменно выступает как националист, что особенно ярко проявилось в период балканского кризиса 1870-х годов, связанного с новым этапом борьбы славянских народов против османского ига. Османская империя представлялась профессору блестящим примером государства, основанного на попрании прав народности, а потому обреченного самой историей на крушение. Выступая в печати, Градовский не жалел красок, описывая страдания славянских народов в «дантовском аду», созданном представителями самой «жесточкой и изуверской формы исламизма». Опасаясь, небезосновательно, обвинений в панславизме, Градовский утверждал, что Россия – единственная страна, которая «не имеет никаких ни завоевательных, ни приобретательных замыслов» на Балканах, и «пора бросить пугало “панславизма”», о котором «можно говорить разве с детьми». Однако истинный смысл позиции Градовского ярко проступал в его статьях вместе с заявлениями о том, что «славянское дело» – это «русское дело», что Россия должна бороться «за свое место на Балканском полуострове», а порядок вещей, при котором устройство Балкан выгодно для России, является «естественным и законным». Таким образом, в представлении Градовского торжество начала народности у балканских славян оказывалось неразрывно связано с торжеством геополитических интересов России в Европе.

Пристальное внимание к национальному вопросу обусловило приверженность консервативных либералов на определенном этапе своего развития славянофильским идеям. Особенно явственно «славянофильский период» прослеживается в творчестве А.Д. Градовского, который в середине 1860-х – конце 1870-х годов поддерживал довольно тесные отношения со славянофильскими кружками и отзывался о славянофилах с явной симпатией, отдавая им во многих отношениях предпочтение перед их идейными оппонентами – западниками. В своем труде «Национальный вопрос в истории и в литературе» Градовский открывает в славянофильстве «зародыш национальной теории». Явившись в качестве реакции безусловному космополитизму, славянофильство само собой, логически должно прийти к признанию национального принципа в теории

и в жизни. «В этом, – продолжал ученый, – заключается его громадное преимущество перед противоположной партией [западниками – *Т.П.*], которая не могла в большинстве случаев изменить свое направление и оставалась на позициях чистого космополитизма». Именно признание национального принципа, подчеркивал ученый, составляет такие начала в славянофильстве, «которым не суждено погибнуть», а с точки зрения исторической перспективы «в общих основаниях славянофильская теория восторжествовала» [1, с. 199].

Заметим, что Градовский был не первым и далеко не единственным западником, признававшим достоинства славянофильства. До него и именно за внимание к национальному вопросу славянофилов хвалил В.П. Боткин. Значение славянофильской теории для развития национального самосознания в России высоко оценивал К.Д. Кавелин. Однако Градовский пошел гораздо дальше. Разглядев в славянофильстве зародыш национальной теории, он сделал не обоснованное и не подтвердившееся в дальнейшем предположение о том, что современное ему славянофильство быстро освобождается от присущих ему «крайностей» и эволюционирует в том направлении, которое представлялось правильным самому Градовскому. Недаром деятелей петербургского славянофильского общества ученый называл «новыми славянофилами», «неославянофилами». Ученый не понимал в тот период, что те «крайности», на которые он охотно закрывал глаза в середине 1860-х – середине 1870-х годов, то есть резкая критика западноевропейского государственного устройства, отрицание необходимости заимствований из Западной Европы, провозглашение приоритета нравственного закона перед законом юридическим и т.д., и составляют суть славянофильства. Отказаться от них славянофилы не могли. Градовский и сам это понял к концу 1870-х годов. Наступает быстрое взаимное охлаждение.

В начале 1880-х годов Градовский пишет целый ряд статей, которые представляют разительный контраст в сравнении с его же работами предшествующего периода. Если раньше он восхвалял и защищал славянофилов перед лицом их оппонентов из числа западников, то теперь свою задачу ученый видит в том, чтобы защитить западников в частности и либералов вообще от нападков «самобытников». Он подвергает резкой саркастической критике славянофильскую картину общества: «Представьте себе человеческое общество, состоящее из людей настолько выше обыкновенных, что их можно уподобить ангелам... Они не знают земных интересов, они чужды всяких страстей». Градовский притворно сетует, что не сумел достаточно убедительно нарисовать картину славянофильского «всеобщего совершенства»: «Что же делать! Я не славянофил, не поэт, не моралист. Я скромный юрист» [14, с. 414]. Славянофильская государственно-политическая мысль, по мнению ученого, и вовсе не имеет никакого значения: «У нас принято думать, что славянофилы отрицают западные формы. Но они идут гораздо дальше: они отрицают необходимость форм вообще. Их политическое учение есть теория юридически бесформенного государства, государства "по душе", государства, построенного на одних нравственных началах». Одновременно Градовский высказывает мысли, которые не оставляют сомнений в направленности его взглядов: «Россия есть Европа, и русский народ есть народ европейский» [14, с. 417]. Славянофилы к этому времени также не сомневались по поводу истинного смысла взглядов ученого. Тот же И.С. Аксаков выступил с резкими высказываниями в его адрес. Он писал: «Тот только славянофил, кто признает умом и сердцем... Христа основой и конечной целью русского народного быта. А кто не признает – тот самозванец. А таких псевдославянофилов развелось теперь куда как много. Выдернут из всего мирозерцания Христа и не понимают, что все разом убили» [цит. по: 15, с. 67]. В качестве такого славянофильского самозванца Аксаков называл именно Градовского. Последний не остался в долгу, заявив, что Аксаков принадлежит к числу людей, «у которых

славянофильская доктрина, не обновлявшаяся дальнейшим развитием общественной жизни, выродилась, наконец, в набор слов, повторяемых до умопомрачения и усыхания горла». Наконец, в 1882 году Градовский как бы подводит черту: «Я не стал бы теперь писать свои статьи о первых славянофилах, потому что вижу славянофилов нынешних» [16, с. LXXXIII].

Эволюция отношений консервативных либералов со славянофилами весьма показательна. Пытаясь примирить либерализм и консерватизм, западничество и славянофильство, консервативные либералы не могли избежать многочисленных противоречий и не смогли стать своими ни для либералов, ни для консерваторов. Иными словами, они действительно оказались невостребованными, хотя и руководствовались, несомненно, благими намерениями.

Вместе с тем, если бы консервативный либерализм в России той эпохи смог сформулировать более последовательную программу и был воспринят властью и обществом, последующих революционных событий, возможно, удалось бы избежать.

Литература

1. Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и в литературе // Градовский А.Д. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. СПб., 1901.
2. Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.
3. Градовский А.Д. Политические теории XIX столетия. Государство и прогресс // Градовский А.Д. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. СПб., 1899.
4. Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862.
5. Карцов Ю. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886 гг.: Воспоминания политические и личные // Море. 1906. № 16.
6. Градовский А.Д. Взгляд назад // Голос. 1880. № 223. 14 августа.
7. Градовский А.Д. Государственный совет // Голос. 1880. № 256. 16 сентября.
8. ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 2.
9. Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин, 1904.
10. Градовский А.Д. Смута // Голос. 1880. № 45. 14 февраля.
11. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М., 1862.
12. Искра Л.М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж, 1995.
13. Градовский А.Д. Ближайшие задачи нашей печати // Голос. 1882. № 256. 21 сентября.
14. Градовский А.Д. Славянофильская теория государства // Градовский А.Д. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. СПб., 1901.
15. Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.
16. А Ш[ахматов]. Краткий очерк жизни и деятельности А.Д. Градовского // Градовский А.Д. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. СПб., 1904.

Аннотация. Статья посвящена особенностям российского консервативного либерализма второй половины XIX века, представленного А.Д. Градовским, К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным. Особое внимание уделяется политической программе консервативных либералов, ее теоретическим основаниям и попыткам практической реализации.

Ключевые слова: консервативный либерализм, либеральный национализм, национальное государство.

Tatyana Plyashchenko, Ph.D. in History, Lecturer, Voronezh Branch of Russian State Social University. E-mail: tapla@rambler.ru

Conservative Liberalism in Russia the Post-reform Period: The History of a Failure

Abstract. The article dwells on the peculiarities of Russian conservative liberalism in the second half of the 19th century and its proponents, including A. Gradovsky, K. Kavelin, and B. Chicherin. The article gives special prominence to the policies of the Russian conservative liberals at both theoretical and operative level.

Keywords: Conservative Liberalism, Liberal Nationalism, Nation-State.